

ВАДИМ ТЕЛИЦЫН

ПЫЛАЮЩИЙ КИТАЙ

МОСКВА
RUGRAM
2022

УДК 93/94
ББК 63.3
Т31

Телицын, В.

Т31 **Пылающий Китай / Телицын В.** — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 328 с.

ISBN 978-5-521-92439-4

Книга посвящена истории участия советских граждан в многочисленных конфликтах, происходивших на территории Китая в первой половине XX века. Архивные материалы, воспоминания очевидцев и участников тех событий позволяют автору всерьез говорить о закамуфлированных идеологическими лозунгами феноменах «советского добровольчества» и «интернациональной помощи братскому народу», геополитических претензиях Советского Союза на Юго-Восточную Азию. В книге дана история борьбы между СССР и другими великими державами, претендующими на роль решающей силы во внутрикитайских конфликтах, причем противостояние исследуется не только на поле вооруженных столкновений, но и на дипломатической арене, между разведками и пропагандистскими структурами.

BIC HB
BISAC HIS000000

ISBN 978-5-521-92439-4

© Вадим Телицын, текст, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2022

ВВЕДЕНИЕ

Китай не зря называют энигмой (загадкой) географической парадигмы и мировой цивилизации.

«Китай — это была страна необозримых пространств, земных и водных, окаймленная с одной стороны громадным тихоокеанским побережьем, а с другой — огороженная от западного мира Гималаями и пустыней Гоби, с разнообразным зеленым покровом — от ярких субтропиков юга до обширных и однообразных монгольских степей», — так писал один из очевидцев, побывавший в Китае в двадцатые годы прошедшего столетия¹.

Мы не будем ничего говорить о китайской философии, литературе или искусстве, об этом уже много сказано (и сказано специалистами) и написано, и не нам открывать здесь «новые горизонты». (Хотя мы и оставляем за собой право цитировать лучшие строки из интеллектуального богатства Великого народа.) Наша задача лежит в совершенно иной плоскости, в той, которую именуют порой очень неудобоваримым словом «геополитика»...

...Китай это еще и огромная территория, притягивающая к себе взгляды алчущих до мирового господства соседей — Японии (враг номер один) и США, Монголии (в древние времена) и России. В различное время на его территории располагались военно-морские базы Великобритании и Гер-

¹ На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев 1925–1945. Издание 2-е, дополненное. М., 1977. С. 134. (Далее: На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. М., 1977.)

мании, Франции и Португалии. На улицах многолюдных китайских городов можно было увидеть военных практически всех стран мира, прибывавших в далекий Китай не только ради «туристического» интереса, но и — выполняя ряд секретных миссий. В китайских портах можно было увидеть боевые корабли, прибывшие из Европы, Америки, других азиатских стран. Посольства и генеральные консульства не жалели времени, сил и средств, рассчитывая внимательно следить за политическими событиями в стране и за своими соседями-конкурентами.

Для всех завоевателей Китай всегда оставался жирным куском еще не окончательно поделенного территориально-го пирога.

Но Китай «трясли» не только нашествия иноземных войск, но и внутренние распри, перманентные гражданские войны раздирали Китай на кланы, группы, партии и милитаристские режимы.

И все это было свойственно Китаю на протяжении всех столетий. Не стал исключением век XX-й: более пятидесяти лет страна представляла собой поле брани, стол жестокой и кровопролитной, что отголоски ее слышны до сих пор (проблема Тайваня). Более 30 миллионов оставшихся без крова мирных жителей метались — ежегодно — по стране многотысячными толпами. Беженцы умирали, попадая в зоны боевых действий, а также от голода и эпидемий¹. Страну, представляющую собой в государственно-политическом смысле «лоскутное одеяло», раскачивали экономические кризисы, неурожаи, голодоморы, массовые казни и убийства из-за угла (таковы были правила политических «игр»).

¹ На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. М., 1977. С. 334.

К китайской трагедии приложили руку и иностранные государства, и не последнюю роль в китайских перипетиях только что закончившегося века сыграла Россия — сначала царская, затем — Советская...

Бесспорно, что роль своеобразного детонатора сыграли русские революции 1917 года — Февральская и Октябрьская, явившиеся прекрасным примером для китайских радикалов, в первую очередь для Сунь Ятсена¹, с именем которого связывают многолетнюю историю «любви» и «ненависти» национальной и коммунистической партий Китая. Советская власть, советская идеология, советская дипломатия рассматривали Китай сперва (в 1920-е годы), как очередной потенциальный очаг мировой революции; затем (в 1930-е годы) — как один из фронтов («второй?», «третий?»), направленных против гитлеровской оси (конкретно — против Японии); после (в 1940–1950-е годы) — как возможность чужими руками навязать конфликт своему недавнему союзнику, а отныне и до конца веков противнику — Соединенным Штатам Америки.

Первые советские военные специалисты появились в Китае в начале 1920-х годов, и только в последний летний месяц 1960 года самый последний советский офицер покинул китайскую территорию. Итак, почти сорок лет участия в китайских гражданских войнах и конфликтах с Японией. Даже в моменты наибольшего обострения во взаимоотношениях между СССР и Китаем советские специалисты (как правило — иностранцы, но получившие военное образование

¹ Сун Ятсен (1866–1925) — китайский революционер, основатель партии Гоминдан, один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей. В 1940 году Сунь Ятсен посмертно получил титул «отца нации».

в Советском Союзе и имеющие в кармане советские паспорта и «путевку» Исполнительного Комитета Коммунистического интернационала) продолжали оказывать «интернациональную помощь китайским товарищам», следуя строго инструкциям Кремля и здания на Лубянской площади.

И вновь, как и в случае с гражданской войной в Испании, уезжавшие в Китай советские военные и гражданские специалисты именовались в официальных документах не иначе как «добровольцы».

О нашем отношении к содержанию термина «советские добровольцы» мы уже писали и вновь возвращаться не будем. Для нас важно не столько повторять уже сказанное, сколько дополнить, домыслить, доанализировать различные грани этого удивительного феномена и опыт жонглирования чувствами советских людей. (Особенно то состояние, когда общество обманывало само себя, выдавая желаемое за действительное.)

И еще один, очень важный для нас (и, надеюсь, для читателя) момент: гражданская война в Китае не была окружена той романтической аурой, которая оказалась свойственна аналогичным событиям на Пиренейском полуострове. Это объясняется той глобальной неудачей советской внешней политики, которой обернулись усилия Советского Союза по превращению Китая в еще одного сателлита...

В качестве источников использованы архивные материалы, отложившиеся в Российском государственном военном архиве, Российском государственном архиве социально-политической истории, Центре хранения историко-документальных коллекций (бывший Особый архив КГБ СССР; сейчас — филиал Российского государственного военного архива) и Государственном архиве Российской Федерации,

периодическая печать тех времен, мемуарная литература и исследования историков предшествующих лет — как отечественных, так и иностранных (ссылки на используемые работы даются в подстрочных примечаниях и в конце книги). Особое внимание уделяется мемуарам — как неопубликованным, так и вышедшим в свое время в качестве отдельных книг, брошюр и статей (большая часть опубликованных воспоминаний уже стала библиографической редкостью).

И еще один источник...

Историки писали все больше о глобальных событиях, в рамках (границах) которых стирались (исчезали) целые пласты частной жизни — истории жизни конкретных людей, отдельных семей, династий...

В частном архиве Воробьевых — Мейеров нам удалось обнаружить удивительные документы — свидетельства давно ушедшей эпохи, большая часть из которых нас интересует непосредственно, поскольку дополняют — и очень существенно — наши знания по истории советского военного и политического сотрудничества в Китае.

Как видно — «название» архива бинарное, но — Воробьевы — «преданные делу революции и большевизма» (как значится в одном из документов), Мейеры — семья участника Гражданской войны, воевавшего на стороне адмирала А.В. Колчака и эмигрировавшего в 1922 году в Китай. Судьба, волей случая, свела Воробьевых и Мейеров, дав возможность сохранить архив вторых и подтолкнуть первых к преданию огласке воспоминаний о бурной эпохе — пусть не всегда гладких по стилю, но отражающие — так или иначе — колорит той эпохи.

Итак, старший Мейер — Александр Аполлонович, воевал в Гражданскую — у А.В. Колчака (у В.К. Каппеля), с которым

прошел «огонь, воду и медные трубы». В 1922 году оказался в Харбине (в русском госпитале, куда его, еле живого, доставили из Владивостока друзья-однополчане, с которыми съел ни один пуд соли, и которые прекрасно понимали, что раненному — очень тяжело, в обе ноги — сослуживцу спастись удастся только за границей, так как здесь, в России, ему «обеспечено» лишь одно — мучительной смерти от гангрены). Вместе с мужем в эмиграцию отправилась жена Александра Мария и двое маленьких сыновей. (Но жена скончалась в 1923 году — от воспаления легких...)

Итак, благодаря товарищам, Александр (37 лет от роду) попадает в Харбин, где, благодаря русским хирургам, ему удалось спасти обе ноги. Потеряв жену, Александр недолго вдовствовал, в 1925 году он вторично женится, берет в жены Пелагею Устименко, коренную харбинку, чьи родители жили в Китае со времени строительства Китайско-восточной железной дороги, ставшую второй матерью для его сыновей. В 1920-е годы семья увеличилась, родились еще один сын и дочь.

Старший из детей Мейеров — тезка отца, в 1922 году ему было всего десять лет, он мало, что понимал, в памяти, правда, велись силуэты Владивостокских сопок и свинцовый цвет неба и морской воды, окружавшие, как казалось, со всех сторон. В 1929 году Александр — уже совершенно другой человек — семь лет проведенные в Харбине не пропали даром для формирования мировоззрения. Старший из сыновей Мейеров всегда был в курсе всех дел эмигрантской общины, внимательно наблюдая и за тем, что происходит в окружающем мире, и уж тем более за ситуацией, складывающейся во взаимоотношениях между Китаем и Советской Россией в тот период. Он не питал никаких иллюзий по отношению к своей бывшей родине; чувство ностальгии ему было незнакомо. Его больше волновали иные пробле-

мы: он совершенствовал свой китайский и английский языки, не забывая и про русский. Он скупал все, выходящие в Харбине русскоязычные издания (а также издаваемые в других районах, где существовала эмигрантская диаспора), китайскую и американскую прессу, тратя на газеты и журналы до 2/3 своих скудных доходов. Выбор периодики был, конечно, невелик, но к своим 18-ти годам Александр уже научился складывать воедино хаотичные факты и выстраивать настоящую мозаику, дающую возможность быть более объективным в оценках тех или иных событий.

Не отставал от старшего и средний брат — Иван, младший его на два года. (Третий брат — Константин, родился уже в Харбине в 1927 году, и дочь Алина, родилась в 1929-м году, уже были далеки от проблем своих братьев, знавших о России не понаслышке.)

Иван, задумчивый и неповоротливый, со стороны казавшийся даже увальнем, неожиданно для всех увлекся идеями сменовеховства, модного — еще в начале 1920-х годов — мировоззренческого течения (очень популярного в среде русской эмиграции), ратовавшего за возвращение «на историческую родину» и «примирение с советской Россией», которую оценивали не иначе как наследницу российской Империи, особенно в вопросах внешней политики.

В мае 1931 года умирает — сказались старые раны — отец Мейеров, на плечи старшего и среднего брата легли заботы об обеспечении семьи.

В 1932 году Александр поступает на службу в Вооруженные силы Гоминдана (на его русское происхождение «закрыли глаза», важны были его знания языков). Из-за службы, Александру пришлось оставить Харбин и перебраться на юг, в главную штаб-квартиру главнокомандующего китайской армии Чан Кайши.

Сохранились письма, которые А. Мейер писал домой в течение почти девяти лет (до 1941 года — смерти мачехи).

Интересна судьба Ивана, романтического идеалиста, зачитавшегося статьями Николая Васильевича Устрялова и прочих, свихнувшихся от воздействия на сознание российской смуты интеллигентов. Он — средний из братьев Мейеров — покинул родное гнездо в 1937-м. Почти восемь лет о его судьбе ничего не было известно. Лишь осенью 1945-го он появился в Харбине, но... уже в советской военной форме, с офицерскими погонами. Оказалось, что за эти годы он успел послужить в советской военной миссии (переводчиком и «советником по вопросам политики и экономики Китая /так в документах — *В.Т./*), в советской военной разведке, побывать в Советском Союзе и повоевать против Японии (и сохранить на плечах голову, — последнее просто удивительно, но только — на первый взгляд). Следы Ивана Мейера теряются все там же, в Советской России, в самом начале 1950-х годов, когда он принял решение осесть с сестрой Аленой в СССР окончательно.

Самой младшей из семьи Мейеров удалось выжить после ареста чекистами брата: она, спасая свою жизнь, постаралась «раствориться» среди советских обывателей (помогли соседи по коммуналке). В 25 лет она — тогда уже фрезеровщик одного из машиностроительных заводов Свердловска — выходит замуж за Андрея Воробьева (в 1952 году окончившего техникум и направленного на ее «родное» производство). Лишь после свадьбы супруги с удивлением узнали о роднивших их фактах: отец Андрея — Иван Демидович — дважды побывал в Китае — в середине 1920-х годов и в конце 1930-х годов. Он — бывший военный летчик, а затем — по состоянию здоровья — переквалифицировавшийся в авиамеханика, оставил интереснейшие (хотя